

Провожали Ивана Нечунаева в армию всем селом. А накануне до самого рассвета смеялась и плакала гармонь, звенели девичьи голоса, шумели степные тополя и кудрявые березы. И только после третьих петухов улицы опус-

тели. Сон был коротким, беспокойным. Прощаясь с родными, юноша поклялся:

- Я обязательно вернусь...

Комсомолец уехал на Дальний Восток, определился в специальные войска. Охранял железнодорожные туннели и мосты, мечтал о родном колхозе, о друзьях-товарищах, которые выращивают хлеб и ждут его.

- Значит, домой? – спрашивал политрук накануне демобилизации.

- Да, - взволнованно отвечал солдат. – Я обещал...

То воскресенье сорок первого года Иван запомнил навсегда. Страшная весть о войне потрясла однополчан. Все рвались на фронт, приводили веские причины. Получив очередной отказ, Нечунаев не отступил, грозился написать в Москву, доказывал:

- Но ведь я сибиряк. Мое место на передовой!

- Здесь тоже фронт, - спокойно говорил командир части и возвращал рапорт.

Наконец в августе дали положительный ответ. Вокзал, музыка, сердечные напутствия. И вот уже поезд спешит на запад, минув знакомые до боли места. Иван пристально смотрит в окно, стиснув зубы, упрямо шепчет:

- Я обязательно вернусь...

Впереди Харьков. Гитлеровцы рвутся к столице. Здесь держали оборону сибиряки. Стояли насмерть, до последнего патрона. Все испытал солдат: и горечь отступления, и радость первых побед.

- Это было в ноябре 1942 года, - вспоминает Иван Павлович. – Мы держали оборону возле Сталинграда, в поселке Купоросном. Здесь меня наградили орденом Красной Звезды. А случилось это так. Командир роты Третьяков поставил задачу:

- Надо пробраться в тыл к немцам и сорвать танковую атаку, - он на минуту задумался, обводя глазами присутствовавших. Потом сделал выбор: - Со мной пойдут Нечунаев и два связиста.

Ночь выдалась темная, холодная. Тяжелые свинцовые облака плотно окутали небосклон. Шли молча, напрягая слух. Передний край давно позади. Гитлеровцы нервничали: беспорядочно строчили из пулеметов, вешали «фонари». Прижимаясь к земле, сибиряк выдохнул:

- Танки...

Залегли в густом кустарнике. Вскоре в эфир полетели ценные сведения. Вдруг немцы засекали радию и открыли огонь. И тогда командир роты принял рискованное, но единственно верное решение.

- Передайте на батарею, - глухо прошептал он, – огонь по квадрату двенадцать.

Через минуту связист получил ответ. Передавая наушники и микрофон лейтенанту, пояснил:

- Комбат просит вас...

- Да, - подтвердил начальник группы. – Вызываю огонь на себя.

Стальной град обрушился на скопление вражеских машин. И сразу стало светло, как днем. Но немецкие танкисты успели нанести урон разведчикам. Лейтенанта и Нечунаева тяжело ранило, связисты тоже пострадали. Выполняя последний приказ, члены группы начали отходить. Несмотря на сильную боль, сибиряк не оставил командира. А на помощь уже спешили наши разведчики и медсестра...

Врачи-женщины медлили с ампутацией ноги, надеялись на чудо. Осмотрев раненого, хирург приказал:

- Срочно на операцию!

Спустя семь месяцев И.П. Нечунаева выписали. Вернулся домой, в Нижне-Пайву. Не успел толком оглядеться, как вызвали в райком. После беседы секретарь спросил:

- Что будешь делать, Иван Павлович?

- Надо работать. В селе только женщины да старики...

С тех пор Нечунаев на переднем крае мирного фронта. В посевную и сенокос находится в бригаде, обеспечивает людей холодной водой. Когда наступает жатва, идет на ток. Принимает зерно от комбайнов, отправляет машины на элеватор.

Дома порядок и уют. Жена Прасковья Никитична уже более тридцати лет учит детей в школе. Дочь Зоя пошла по стопам матери, работает в соседнем поселке Кочетки. Сын Анатолий – геолог, а самый меньший Володя окончил девять классов. Отец особо гордится им:

- Молодец. Учится хорошо.

В свободное время Иван Павлович любит побывать в саду. Здесь растут яблони, вишня, черемуха, смородина, крыжовник, виктория. Поясняет:

- Чай пьем со своим вареньем, - и угадывая наш последний вопрос, коротко отвечает: - Нет, на отдых еще рановато.

Б. Поминкин